

ФАКТОР САУДОВСКО-ИРАНСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Статья вторая

Ключевые слова: Иран, Саудовская Аравия, региональное лидерство, США, Совет по сотрудничеству арабских государств Персидского залива, нефть, влияние, военная сила, ИГИЛ, сирийский кризис, иранская ядерная программа

Аннотация: Во второй из серии 2-х статей рассматривается противоборство двух ведущих государств Ближнего Востока – Саудовской Аравии и Ирана. Этот фактор имеет исторические, идеологические, экономические, политические и социокультурные корни и сегодня проявляется в самых разных ситуациях: от арабо-израильского урегулирования до политики в сфере нефтедобычи. При этом на новый уровень поднимается борьба за духовное лидерство. В настоящее время интересы двух держав региона наиболее рельефно столкнулись в Сирии. Однако поддержание их соперничества устраивает и отдельных внешних игроков.

Keywords: Iran, Saudi Arabia, regional leadership, USA, Cooperation Council for the Arab States of the Gulf, oil, influence, military force, ISIS, the Syria crisis, Iranian nuclear program

Abstract: This second piece in the series of two articles addresses the regional rivalry between two lead states in the Middle East – the Saudi Arabia and Iran. This factor has deep historical, ideological, economic, political and sociocultural roots and presently manifests itself in a variety of contexts ranging from the Arab-Israeli confrontation to oil production policy. The struggle for spiritual/religious leadership also gains a new momentum. The two regional powers' interests most evidently clashed on Syria, even as select other players are also interest in sustaining this regional rivalry.

DOI:10.20542/2307-1494-2016-2-37-50

Проблема борьбы за лидерство на Ближнем и Среднем Востоке двух региональных держав – Саудовской Аравии и Ирана – сохраняется, хотя с течением времени видоизменяется. При этом в центре антагонизма остается идейная сфера. Если Королевство Саудовская Аравия (КСА) преподносит себя как место, где зародился ислам, были заложены его основы, на которых покоятся начала исламских жизни и быта, то Исламская Республика Иран (ИРИ) позиционирует себя как оптимальную модель воплощения ислама на практике. В Иране Саудовскую Аравию рассматривают и изображают как воплощение пороков. В Саудовской Аравии не верят в смягчение иранской риторики, которая теперь отдает приоритет не столько вооруженному экспорту исламской революции, сколько ее мирному насаждению посредством того, что сейчас

именуется «мягкой силой» (несмотря на то, что грань между «мягкой» и «жесткой» силой подчас довольно расплывчата).

Разделительная линия между двумя ведущими силами Ближнего Востока и района Персидского залива лежит не только в вопросах идеологии, религии и культуры. Она экстраполируется и на многие другие аспекты взаимоотношений двух государств, включая безопасность, политику и экономику.

I. Религиозно-идеологические установки и миссионерство

На текущий момент именно идеологическая сфера является, вероятно, самым главным и наиболее острым направлением соперничества между КСА и ИРИ. Речь идет о влиянии и борьбе за умы мусульман не только этих двух соперничающих стран, но и сопредельных государств, а также в масштабах всего региона. Нет иной сферы, где бы руководители и духовные лидеры КСА и ИРИ не подвергали бы друг друга такой жесткой и неконструктивной критике, подчас переходящей все допустимые рамки.

Конечно, различия в государственной идеологии между двумя субъектами региона весьма ощутимы. Господствующее направление религии в Саудовской Аравии – ваххабизм. В данном случае для нас наиболее важны не столько его теологические и общественные постулаты, сколько та его часть, которая касается взглядов на власть. По словам российского эксперта Р.Силантьева, «сейчас под ваххабизмом понимается не конкретная и четко выраженная религиозная идея, а совокупность идеологий исламского происхождения, проповедующих крайнюю нетерпимость к инаковерующим и инакомыслящим... Проще говоря, традиционные мусульмане уживаются с представителями иных исповеданий, а ваххабиты – нет, хотя при определенных обстоятельствах и для тактической выгоды согласны их терпеть короткое время».¹

Другое религиозное направление в КСА – салафитское – весьма тесно переплетено с первым. Салафизм объединяет мусульманских религиозных деятелей, которые в разные периоды истории выступали с призывами ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины, на праведных предков. Ваххабиты и салафиты представляют фундаменталистские направления суннитского течения в исламе.

В Иране шиизм в интерпретации имама Хомейни берет в качестве главного принципа деятельности государства так называемое руководство законоведа (*вেলাят-е факих*). Этим термином обозначается верховное руководство страной, осуществляемое шиитским духовным руководителем, причем светская власть фактически призвана выполнять его установления, или *фетвы*. По мнению специалистов, такой подход не приемлем для суннитов, расценивающих *улемов* как обычных мусульман, выполняющих религиозные функции.² Истину, по учению Хомейни, скрывают вождество, тщеславие, высокомерие, любовь к власти, эгоизм и т. д. Акт снятия этих грехов составляет «большой джихад», очищающий общество от упадка, коррупции и тиранических правительств.

Эти и некоторые иные построения легли в основу концепции распространения исламской революции на соседние страны, особенно те, в

которых существуют шиитские общины. Целью революции в таком случае должно было стать объединение мусульманского мира, которое позволило бы покончить с империализмом и сионизмом. «Хотя ее “экспорт” в принципе осуществим мирными средствами (распространение “исламской этики”, проповеди, воздействие на иностранных улемов и т. д.), Иран оставлял за собой право на защиту от внешних врагов, которое понималось им не только как защита отечества, но и как защита ислама».³ Эта концепция во многом обусловила отношение Ирана к «угнетавшему шиитов» иракскому режиму С.Хусейна, США, Израилю, а также к арабским правителям, включая саудовцев.

В мусульманском мире идейная борьба за влияние осуществляется не только с помощью традиционного инструментария, доступного государству, но и посредством разного рода религиозных структур, организаций и проповедников. Причем противоборство не всегда ограничивается сферой дискуссий, а подчас приобретает форму весьма жестких действий. КСА и ИРИ ведут борьбу не только на территориях сопредельных государств, но и на территории друг друга. Оба государства видят свою миссию в том, чтобы нести просветительские идеи вовне, и на этой почве вступают в сложные взаимоотношения, а нередко и в неразрешимые противоречия. Упомянутый в первой статье этой серии, вышедшей в предыдущем номере, эпизод с шиитским проповедником Нимр ан-Нимром стал одним из таких проявлений.⁴

Иранские проповедники наиболее активно несли свое слово в исламский мир в течение первого десятилетия после исламской революции 1978–79 гг., но и сейчас их деятельность ощутима в разных регионах и странах мира, причем не только с шиитским населением, в т. ч. в ряде стран Европы и Азии (включая даже такие страны, как Япония). Проповедническая и миссионерская деятельность иранских богословов направлена против любой светской власти, которая, в трактовке аятоллы Хомейни, является «творением Сатаны». Деятельность по возвращению подобающего места исламу в обществе осуществляется методами «мусульманского призыва». Иранские лидеры акцентируют внимание на том, что империалисты, сионисты и коммунисты разрушили могущество и самостоятельность мусульманского мира и создали в исламских странах очаги аморальности,⁵ которые надлежит разрушить. Миссионерская деятельность разворачивается главным образом с помощью разного рода мусульманских центров в зарубежных странах.

У КСА возникают большие опасения относительно деятельности иранских проповедников, которые обычно устремлялись в КСА во время ежегодного хаджа. В 2016 г. саудовские власти сократили долю иранских паломников в Мекку и Медину почти в 10 раз. Надо сказать, что с иранскими паломниками и раньше случались инциденты, в чем саудовские власти немедленно обвиняли Тегеран, реакция которого на этот раз была очень жесткой.

«Страны региона и исламский мир должны скоординировать усилия для того чтобы урегулировать проблемы и покарать саудовские власти, – заявил президент Ирана Хасан Рухани. – Если проблема с саудовским правительством ограничивалась бы только организацией хаджа, решение можно было бы найти, но, к сожалению, саудовские власти совершают преступления в регионе, поддерживают терроризм и проливают кровь мусульман в Ираке, Сирии и

Йемене». Министр иностранных дел ИРИ Мохаммад Джавад Зариф возложил на духовных руководителей Саудовской Аравии вину за исповедование неканоничных религиозных взглядов и потворство экстремизму.⁶ Иранское руководство также обвинило саудовские власти в гибели 464 иранских паломников в давке, возникшей во время хаджа 2015 г. В ответ верховный муфтий Саудовской Аравии Абдулазиз аш-Шейх выдвинул смелый богословский тезис, согласно которому иранцы – вообще не мусульмане, поскольку они происходят от зороастрийцев, и их враждебность к исламу, особенно к суннитам, очень древняя.⁷

Саудовцы, в свою очередь, также проводят направленные вовне проповеднические миссии, действуя как в рамках международных организаций, так и в отстраиваемых с их финансовой помощью мечетях и культурных центрах. В стране открывается серия новых школ для изучения Корана и арабского языка для детей из других государств, в саудовские университеты и религиозные центры принимается иностранная молодежь, которая проходит необходимую индоктринацию и становится своего рода агентами влияния. Так создается саудовский передовой идеологической отряд, в тех или иных вариациях сталкивающийся с аналогичным иранским.

Сирийский кризис провел еще одну грань между саудовским и иранским миссионерством, в том числе применительно к России. Если иранские духовные миссии высказались за предоставление России моральной помощи в борьбе с терроризмом, то саудовские проповедники заняли противоположную позицию, призвав мусульманские страны объединиться во имя *джихада* против правительства Сирии и его «иранских и российских покровителей».⁸ В России не раз высказывались серьезные опасения по поводу такого рода «миссионерства». По данным СМИ, на территории РФ до сих пор на деньги саудовских фондов и организаций в медресе (школах), культурных и образовательных центрах, летних лагерях молодых людей обучают не только арабскому языку и чтению Корана – им прививают своеобразные ценностные установки, после усвоения которых «учеников» можно легко рекрутировать в ряды салафитских боевиков.⁹

II. Проблема ближневосточного урегулирования

Проблема арабо-израильского урегулирования также продолжает разделять две страны: более радикальный иранский подход сталкивается с более умеренным саудовским. По следам исламской революции клерикальное иранское руководство вынуждено было искать союзников и точки опоры в арабском мире, отношения с которым у свергнутого шахского режима были далеко не простыми. Естественно, оно не могло рассчитывать на поддержку умеренных кругов арабских стран, поскольку большинство из них держалось прозападной ориентации, против чего, собственно, и была направлена исламская революция в Иране.

Вследствие этого Иран избрал иной путь – наведение мостов с арабскими радикальными странами и силами, численность которых, по подсчетам Тегерана, была больше по сравнению с умеренными силами и режимами. Для

этого требовалось не только порвать связи с Израилем, но и пойти дальше радикальных сил в арабских странах, по крайней мере, на уровне риторики. Это привело не только к декларативному неприятию Израиля, но и к определенным практическим действиям, направленным на поддержку противостоящих ему радикальных сил внутри Палестинского движения сопротивления (ПДС), в Ливане, в секторе Газа, на западном берегу реки Иордан, а позже и в Сирии. Иранская позиция в деле ближневосточного урегулирования, в частности, стала одной из основ сближения Ирана со светским режимом Асада в Сирии, несмотря на все этноконфессиональные и иные различия между двумя странами.

Для самого Ирана вопросы ближневосточного урегулирования представляют повышенный интерес. По сути, арабо-израильская проблема открыла революционному Ирану ворота в арабский мир. Тегеран отрицает как само «сионистское образование», так и концепцию двух государств – арабского и еврейского, требуя полного «прекращения оккупации» арабских земель. В проведении своей политической линии, большей частью за счет поддержки радикалов, он стремится торпедировать палестино-израильский мирный процесс, который, в случае успеха или хотя бы серьезного, реального прогресса по пути урегулирования, может уменьшить степень влияния Тегерана в регионе. Иран не признает легитимность известных резолюций СБ ООН №242 и №338, заложивших основы ближневосточного мирного процесса.

С одной стороны, в вопросах ближневосточного урегулирования иранское руководство по отношению к Израилю часто оказывалось намного радикальнее даже наиболее антиизраильски настроенных арабских государств (режимов), что в какой-то степени делало иранские инициативы изначально маргинальными. Тем не менее, иранское руководство продолжало придерживаться непримиримой позиции в этом вопросе. С другой стороны, именно радикализм Ирана не позволил ему раствориться в сонме голосов на региональном, общеисламском и международном уровнях и обеспечил ему постоянно высокий интерес СМИ и мировой общественности к своей позиции.

В противовес Ирану позиция КСА заключается в признании соответствующих резолюций СБ ООН и в поддержке мирного разрешения арабо-израильского конфликта на основе достигнутых договоренностей. Этого достаточно, чтобы такая позиция в Тегеране считается соглашательской.

III. Соперничество в военной сфере и в области безопасности

Противоборство Саудовской Аравии и Ирана в военной сфере и в области безопасности по принципу «действия – ответные действия» является мощным катализатором региональной гонки вооружений. Только за последние годы на военные закупки за рубежом КСА истратило более 65 млрд. долл. О военных затратах Ирана точных данных нет, но, думается, они также исчисляются немалыми суммами.

Лишившись возможностей сотрудничать с Западом в оборонной сфере, Иран стал искать иные пути приобретения военных технологий, включая собственные разработки, и сделал ставку на взаимодействие с третьими

странами, не являющимися союзниками США. Такое положение дел сохранилось и после заключения «ядерной сделки» между Ираном и шестеркой стран-переговорщиков (Россией, США, КНР, Францией, Великобританией и Германией) в июле 2015 г., которая предусматривала частичное снятие с Ирана торгово-экономических санкций, но не подразумевала отмену западными странами эмбарго на поставки вооружения Тегерану.

Во время военного парада, проведенного в Тегеране в сентябре 2016 г., были продемонстрированы новинки воздушно-космических сил и Корпуса стражей исламской революции (КСИР): системы ПВО «Табас», «Раад-1», «Кадр-1», баллистические ракеты «Эмад», «Седжил» и др. Отмечалось, что дальность пуска ракет «Эмад», оснащенных маневренной и высокоточной боеголовкой, составляет 1650 км. Дальность действия ракеты «Седжил» превышает 2 тыс. км. Зрителям также был представлен иранский аналог зенитно-ракетного комплекса ПВО С-300 «Бавар-373», который, как сообщалось, способен не только поражать истребители и вертолеты, но и перехватывать и уничтожать на малых высотах крылатые ракеты, не заметные для обычных радаров.¹¹ В экспертных кругах курсируют предположения о том, что Иран ведет разработку ракет дальностью до 5 тыс. км,¹² которые легко покроют всю территорию Аравийского полуострова.

Российский востоковед В.Кузнецов всесторонне рассматривает оборонительные концепции современного Ирана, но не находит в этих умозаключениях чего-то отличного от того, что имело место уже во времена шаха. Опасения у стран Залива вызывают наращивание иранской военной мощи и развитие его военного производства, в частности ракет.¹³ Хотя специалисты дают разные оценки тактико-техническим характеристикам и боевым возможностям оружия с маркой «сделано в Тегеране», не считаться с этим соседние государства не могут. В июле 2015 г. правительством США было принято решение о продаже Саудовской Аравии американских противоракетных систем «Пэтриот» на сумму 5,4 млрд. долл. и боеприпасов на 500 млн долл. как ответ на иранские военные приготовления. Причем это было сделано вопреки мнению ряда американских законодателей, осудивших Эр-Рияд за применение военной силы в соседнем Йемене (в рамках военной интервенции КСА в эту страну, которая осуществляется с марта 2015 г.) и потребовавших приостановить военное сотрудничество с Саудовской Аравией.

IV. «Арабская весна»

События «арабской весны» начала 2010-х гг. оказали сильное воздействие на все страны региона и местные политические элиты, включая иранскую и саудовскую. Иран, даже не будучи арабской страной, стал пятой по счету страной Ближнего Востока, где в феврале 2011 г. вспыхнули волнения. События эти начались вскоре после избрания на новый срок президента Махмуда Ахмадинежада, до этого правившего страной на протяжении шести лет. Однако иранское руководство быстро справилось с положением и вполне надежно нейтрализовало беспорядки.

В Саудовской Аравии дело до выступлений не дошло, хотя пламя «арабской весны» коснулось соседнего союзного КСА крошечного королевства Бахрейн. Беспорядки в Бахрейне крайне напугали королевский дом в Эр-Рияде. В Бахрейне, где проживает значительное шиитское население (порядка 70%), протестные настроения выплеснулись на улицы и приобрели ожесточенный характер. Саудовские власти отреагировали жестко: с помощью своих союзников-партнеров по объединяющему их пакту – Совету по сотрудничеству арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) – без промедлений вмешались в ситуацию на стороны правящей в Бахрейне династии и силой подавили выступления. Но в восприятии произошедшего в Бахрейне, равно как и ранее в Египте и Тунисе, руководство КСА пришло к неутешительному для себя умозаключению, что США, до недавнего времени бывшие внешним гарантом сохранения правящих монархических режимов в странах Залива, отныне вряд ли могут рассматриваться в качестве такового.

В то же время бесславное завершение эпохи «арабской весны» в регионе дал саудовским правителям определенный политический козырь, как бы подтверждающий их устойчивость и состоятельность: КСА прошло кризисный период без потерь или потери эти оказались неспособными пробить брешь в политике и социальной сфере страны. Страна сохранила стабильность, а ее государственная и общественная система продемонстрировала относительную устойчивость перед внутренними вызовами, включая нарастающее давление со стороны общества. Этому способствовали наличие у государства огромных финансовых возможностей в проведении социальной политики, относительное экономическое благополучие населения по сравнению с не имеющими крупных запасов нефти арабскими странами, популярность фигуры короля и его династии в обществе, консолидированность элиты перед угрозами дестабилизации и нарушения общественного порядка.¹⁵

Однако в начале 2015 г. в соседнем Йемене активизировались выступления хуситов – представителей военизированной группировки шиитов-зейдитов, пользующихся покровительством Ирана. Вскоре хуситы приобрели контроль над большей частью территории Йемена, свергнув просаудовского президента Абдельраббу Мансура Хади. Такой поворот событий в корне не устраивал саудовские власти, которые восприняли его как угрозу возникновения проиранского анклава в Аравии. Было принято решение напрямую вмешаться в ход конфликта для восстановления прежней власти. Как отмечает Н.Егоров, КСА удалось выбрать подходящий момент, когда Иран не мог адекватно отреагировать на атаку, и такой момент наступил в конце марта, когда промежуточные переговоры по иранской ядерной программе вышли на финишную прямую.¹⁶ Операция привела к многочисленным жертвам. Всего, по данным ООН, в Йемене за полтора года с начала саудовской интервенции в марте 2015 г. было убито около 4 тыс. мирных жителей и около 7 тыс. ранено.¹⁷

V. ИГИЛ

ИГИЛ – образование с элементами государственной атрибутики, основанное радикальными салафитами-джихадистами – уже по своей сути

представляет прямую угрозу шиитскому Ирану, в том числе потому, что претендует на некую религиозную миссию не только в региональном масштабе, но и в исламском мире, основанную на провозглашении ИГИЛ «исламского халифата». Этот факт, а также то, что одним из основных объектов насилия и репрессий со стороны ИГИЛ в регионе, наряду с курдами, стало шиитское население подконтрольных ему территорий, во многом предопределило позицию Тегерана в сирийском конфликте (и повлияло на его позицию в продолжающемся конфликте в Ираке).

Боевики ИГИЛ совершили ряд зверских по жестокости и массовых по масштабам репрессий в отношении мусульман-шиитов, компактно проживающих на захваченной ими территории. Поскольку существовала угроза проникновения агентуры ИГИЛ внутрь Ирана, власти страны не только усилили внутренний контроль за деятельностью исламистов, но и нанесли упреждающие удары – начали активно противостоять ИГИЛ на дальних подступах в Сирии и частично в Ираке с помощью проиранских военизированных группировок, включая ливанскую «Хизболлу». Иран также начал оказывать разнообразную, в том числе вооруженную, помощь иракским курдам, противостоящим ИГИЛ.

Однако многофакторность деятельности ИГИЛ и хитросплетения интересов региональных игроков, научившихся использовать этот фактор для обеспечения собственных интересов, порождают самые разные оценки, в том числе применительно к позиции Ирана. Как полагают некоторые эксперты из Российского института стратегических исследований, образование «Исламского государства» в некотором смысле даже выгодно Тегерану, претендующему на звание региональной державы, поскольку оно способствует укреплению лояльных Исламской республике режимов в Дамаске и в Багдаде.¹⁸ По их мнению, ИГИЛ дает возможность Ирану выйти на роль влиятельного игрока на Ближнем Востоке, укрепить там свои военизированные структуры, поддержать своих союзников, что было бы проблематично в случае уничтожения «халифата». В то же время данный тезис вызывает и сомнения, поскольку самопровозглашенный «халифат» в первую очередь претендует именно на территории Сирии и Ирака, чтобы в дальнейшем использовать их как плацдарм для расширения своих владений, в том числе за счет Ирана.

Отношение саудовцев к ИГИЛ на официальном уровне отрицательное. Фактически же КСА, оказывая прямую помощь ряду джихадистских группировок в составе вооруженной оппозиции в Сирии, решают свои задачи прежде всего по свержению негодного им алавитского режима Б.Асада в Сирии, а также по выдавливанию из Сирии и Ливана проиранских военизированных формирований.

В СМИ периодически появляются сообщения о поставках Саудовской Аравией и Катаром военной техники джихадистам, включая технику американского производства. Речь в том числе идет о поставках достаточно сложного оборудования, предназначенного для специалистов. В распоряжении боевиков, в частности, появились американские противотанковые снаряды TOW, артиллерийская техника.¹⁹ Официально техника поставлялась антиправительственным группировкам, но, раз попав на территорию,

контролируемую мятежниками, она вполне могла оказаться и в распоряжении ИГИЛ.

В этой связи представляет интерес мнение бывшего британского разведчика, а ныне эксперта по ближневосточным делам Алистера Крука. «Складывается впечатление, – писал он, – что внутри правящей элиты Саудовской Аравии существует раскол. Часть ее аплодирует тому, как ИГИЛ выбивает шиитский клин Ирана с помощью своего суннитского клина, а также тому, что в самом сердце территории, которую они считают историческим наследием суннитов, обретает форму новое суннитское государство; кроме того, их привлекает строгая салафитская идеология ИГИЛ. Другая часть саудовцев держится более настороженно, вспоминая историю мятежа против Абдул Азиза (основатель и первый король Саудовской Аравии), который подняли ваххабитские *ихваны* (братья) и который едва не погубил ваххабизм и саудовскую династию в конце 1920-х гг».²⁰ В этой связи можно говорить, что радикальное учение Да'иш (ИГИЛ) для части саудовского правящего клана становится той головной болью, заставляя его размышлять о пересмотре ряда аспектов политики КСА – прежде всего, поддержки ряда радикальных исламистских группировок в странах Ближнего и Среднего Востока.

Необходимо отметить, что в самом псевдохалифате очень внимательно отслеживают деятельность Эр-Рияда на сирийском направлении, равно как и попытки руководства КСА дистанцироваться от некоторых крайностей своих подопечных. У некоторых лидеров ИГИЛ эти попытки вызывают открытое недовольство. Так, в начале 2015 г. получил огласку документ ИГИЛ, где Саудовская Аравия характеризовалась как зона экспансии и скорый объект уже запланированного масштабного вторжения.

Считается, что наиболее значительную угрозу правящему режиму в КСА представляют выступления не интегрированных в саудовскую систему государственного контроля и цензуры радикальных салафитских проповедников. Последние утверждают, что саудовские короли «погрязли в роскоши и лицемерии и по своим моральным качествам не отвечают требованиям ислама по отношению к хранителям двух святынь, и потому их власть над этими городами должна быть свергнута».²¹ В религиозно-идеологическом плане не следует также недооценивать присвоение лидеру ИГИЛ Абу Бакра аль-Багдади титула «халифа» и имени по аналогии с первым халифом мусульманской общины после смерти пророка Мухаммада, поскольку, с точки зрения суннитской догматики, только халиф должен являться хранителем двух святых мечетей.

Саудовские власти, по собственному утверждению, ведут борьбу с ИГИЛ, но, очевидно, без особого энтузиазма. Более того, создается впечатление, что радикализм шиитского толка внутри королевства рассматривается саудовскими властями как чуть ли не бóльшая угроза, чем радикальный салафизм джихадистского толка, в том числе связанный с ИГИЛ. Так, в сентябре 2016 г. были раскрыты три террористические группы в Восточной провинции, Эш-Шаркии, где в основном проживают шииты. Арестованных обвинили в планировании серии терактов против представителей духовенства, силовых

структур, а также в мечетях, казармах, экономических центрах, для чего они якобы располагали необходимыми взрывчатыми и финансовыми средствами. Ранее сообщалось о подрыве военного автомобиля и нападении на блокпост в столице г. Эр-Рияде.²² В этом контексте обращают на себя внимание два момента. Во-первых, теракты этого типа либо не были осуществлены, либо не привели к разрушительным последствиям, как в соседних странах, например, в Ираке, где жертвами смертников ежемесячно становятся сотни людей. Во-вторых, участников этих групп идентифицировали как мусульман-шиитов, что говорит о возможной попытке перевести стрелки на Иран, особенно в ситуации, когда интересы двух стран пришли в жесткое противоречие в условиях саудовской интервенции в Йемене, где Иран косвенно поддерживает часть противостоящих им сил.

Для саудовцев немаловажно и то обстоятельство, что США своими действиями в Ираке, в принципе, оказали им медвежью услугу. Ирак, которым в бытность С.Хусейна руководила суннитская верхушка, но в котором преобладало шиитское население (до 55%), возглавили представители преобладающей конфессии – шиитов, вследствие чего официальный Багдад стал все больше обращать свои взоры на восток, в сторону Тегерана. Шииты не только постарались отомстить суннитам за предшествовавшие годы их притеснений, но и невольно сделали крен в сторону налаживания тесных отношений с Ираном. Таким образом, в отношении Ирака у Тегерана и Вашингтона больше общего, нежели у Эр-Рияда и Вашингтона.

В плане развития взаимоотношений КСА и ИГИЛ заслуживает внимания мнение председателя Исламского комитета России Гейдара Джемалая, полагающего, что террористические действия последнего против саудовцев носят пробный характер. Однако угрозу королевскому режиму со стороны «халифата» не следует недооценивать, даже если к этому склонно само саудовское руководство (особенно с учетом того, что в саудовских властных и силовых структурах немало скрытых сторонников ИГИЛ).²³

Пока решение проблемы ИГИЛ затягивается (хотя к концу 2016 г. активизировалось военное давление на «халифат» как в Сирии, так и в Ираке), многие влиятельные ближневосточные игроки, включая КСА и ИРИ, при всей противоречивости их подходов, продолжают использовать фактор ИГИЛ для реализации своих целей и задач как на региональном, так и на более широком, международном уровне.

VI. Иранская ядерная программа

Иранская ядерная программа является одной из наиболее существенных проблем в ирано-саудовских отношениях. Проблема возникла еще после арабо-израильской войны 1967 г. и появившихся тогда слухов, подтверждаемых косвенными данными, о наличии у Израиля ядерного оружия. Так возникла идея «мусульманской» («арабской», «ближневосточной») ядерной бомбы. Именно в тот период был дан старт развитию ядерных программ некоторых ближневосточных государств. В мае 1998 г. Пакистан испытал ядерное взрывное устройство, и на свет появилась «мусульманская ядерная бомба».

Однако пакистанская военная ядерная программа не стала противовесом соответствующей израильской и не положила конец попыткам других ближневосточных государств обзавестись собственным оружием массового уничтожения. Считается, что такого рода работы велись в Ираке, Ливии и Иране. Подобные планы существовали и в ряде других государств, но они не получили развития по разным причинам.

Поскольку иранская ядерная программа имеет давнюю историю, уходящую своими корнями в соглашения шахского режима с США и Францией, а ее военные аспекты оставались достаточно туманными, свои подходы к ней саудовское руководство, явно не заинтересованное в реализации ее военной части, сформулировало также достаточно давно. Еще в 1990 г. министр обороны КСА принц Султан бен Абдель Азиз заявил, что королевство обладает необходимой технологией для создания ядерного оружия. Тем не менее, КСА подписало Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и вполне четко его придерживается. В то же время Саудовская Аравия располагает обычными средствами, способными отразить возможную агрессию против нее.²⁴ До сих пор такая стратегия с небольшими редакциями является базовой для королевства. Тем не менее в СМИ периодически появляются сообщения о том, что Эр-Рияд, в принципе, был бы готов в противовес иранской ядерной программе финансировать иракскую. Официальная денонсация королевством любых таких предположений, конечно, полностью не исключает каких-то подготовительных шагов в означенном направлении. На практике, подтверждая приверженность ДНЯО, Эр-Рияд требовал больших гарантий собственной безопасности от своего главного западного партнера – Вашингтона, и тот шел на удовлетворение этих требований, даже если они противоречили интересам другого его важного союзника – Израиля.

В остальном же муссирование темы иранской ядерной программы принесло немало политической пользы Эр-Рияду. Во-первых, США и страны Запада накладывали на Иран политические ограничения, торговые и финансово-экономические санкции, что тормозило иракскую экономику, к немалому удовлетворению КСА. Во-вторых, ситуация преподносилась как нежелание Тегерана идти в ногу с мировым сообществом путем участия в ДНЯО, и его можно было с легкостью обвинять в злокозненных замыслах в регионе. В-третьих, наложенные на Иран санкции ограничили экспорт им углеводородов.

Подтверждено, что Иран обогащал уран, но стремился ли он к обладанию ядерным оружием? Этот вопрос до сих пор дискутируется. Фактическое отсутствие свидетельств в пользу создания Ираном ядерного оружия, равно как и произнесенная на этот счет *фетва* духовного лидера этой страны не могли разрядить ситуацию, которую каждая из действующих сторон использовала в свою пользу.

По мнению ряда экспертов, снятие части санкций с Ирана в результате ядерной сделки июля 2015 г. способно развернуть противоборство Тегерана и Эр-Рияда в пользу первого. Саудовской Аравии в условиях падения цен на нефть или их сохранения на сравнительно низком уровне не будет хватать средств на социальные программы, а иранцев ожидает приток инвестиций и

оживление в экономике после продолжительного застоя. Иран начинает оказывать все большее влияние на нефтяной рынок, манипулируя своей квотой. В создавшейся ситуации даже цена на нефть на уровне 25 долл. за баррель – благо для его экономики, считает эксперт.²⁵

Представляется, что с достижением соглашений июля 2015 г. политические игры вокруг иранской ядерной программы далеко не закончены. Запад не спешит открывать ворота перед Тегераном и полностью снимать с него бремя санкций, что начинает раздражать Иран. «До вступления в силу соглашения нам говорили, что санкции будут сняты сразу же после выполнения Ираном своих обязательств. Теперь же нам говорят о постепенной отмене санкций. Это доказывает бесполезность ведения каких-либо переговоров с США», – заявил духовный лидер страны аятолла Хаменеи.²⁶

В сентябре 2016 г. США пошли на удовлетворение просьбы Израиля об увеличении предоставляемой ему американской военной помощи в ответ на снятие экономических санкций с Ирана. Согласно логике Тель-Авива, Иран теперь обретает новые возможности по закупке военных систем, технологий двойного назначения и созданию собственных систем вооружений. Американская помощь Израилю на предстоящее десятилетие составит 38 млрд. долл. – по сути, это самая крупная военная сделка в мировой истории. Премьер-министр Израиля Б.Нетаньяху с достаточным основанием назвал достигнутые договоренности «лучшими из возможных».²⁷ При этом соглашение по противоракетной обороне выведено за рамки основного комплекса договоренностей. Правда, надо иметь в виду, что в более сложных конфигурациях ближневосточных балансов сил Израиль противостоит не только Ирану, но и Саудовской Аравии. В Эр-Рияде весьма болезненно относятся к шагам американской администрации по укреплению военного потенциала Израиля. Теперь слово за Эр-Риядом, который не может не реагировать на произошедшее.

Для КСА Иран – более серьезный соперник, нежели Израиль. Израиль не ставит себе задачи уменьшить влияние Саудовской Аравии в арабском или мусульманском мире, да и его возможности осуществить это, мягко говоря, не очень велики. А вот Иран ставит именно такую задачу, только на данном этапе – уже в условиях снятия его международной изоляции, размораживания иранских авуаров на сумму в 150 млрд. долл. в американских банках, пусть даже постепенного, и возобновления нефтяного экспорта, что не может не укрепить испытывающую трудности экономику Ирана, равно как и его обороноспособность.

Проблема Саудовской Аравии состоит еще и в том, что ей трудно мобилизовать своих союзников для противодействия Ирану. Партнеры КСА не настроены на решительное противоборство. Будучи по преимуществу малыми государствами, они не хотят раздражать более сильного иранского соседа и склонны занимать соглашательскую позицию. Так, в ноябре 2013 г., они, в отличие от Эр-Рияда, приветствовали Женевское соглашение по иранской ядерной программе, которое «будет способствовать безопасности и стабильности в регионе» и таким путем создаст фундамент для реализации

совместных экономических проектов. Султан Омана Кабус бен Саид Альбусаид даже выступал в качестве посредника в переговорах между США и Ираном (с точки зрения системы правления, султанат представляет собой нечто среднее между ИРИ и КСА; султан – и светский, и духовный правитель страны, а оманцы, принадлежащие к ветви ибадитов, не являются в полном смысле ни суннитами, ни шиитами). Катар, вопреки общей позиции ССАГПЗ, уже несколько лет налаживает широкие экономические связи с Ираном, а его руководители признают, что их страна нуждается в прочных отношениях с ИРИ и стремится открыть двери к диалогу с ней. Примерно таким же путем последовал Кувейт. Проблемы у Ирана возникли лишь с Объединенными Арабскими Эмиратами вследствие оккупации Ираном островов Большой и Малый Томб в Персидском заливе. В целом, выражая свою солидарность с Эр-Риядом, его союзники тем не менее без особой огласки наводят мосты с его главным региональным соперником и оппонентом.

Говоря об отношениях двух влиятельных сил региона, вспоминается русская пословица: нашла коса на камень. В этой связи уместно сослаться на объемный труд Института востоковедения РАН по поводу Ирана и Саудовской Аравии, который венчает вывод: «Вряд ли удастся преодолеть все те противоречия, которые их разделяют». Главным стимулом таких противоречий является обоюдное стремление обеих стран играть ведущую роль в регионе.²⁹ Остается только разделить пессимизм этого заключения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. интервью с Р.Силантьевым: Россия ваххабитская: современное исламское сообщество – Terra incognita? // Наше время. № 213. 05.02.2016. <http://gazetav.ru/article/?id=833>.

² Революционный Иран и «экспорт исламской революции» / Информационно-аналитический портал «Евразия». 13.02.2012. <http://evrazia.org/article/1904>.

³ Там же.

⁴ См.: Фролов А. Саудовско-иранский фактор на Ближнем Востоке (статья I) // Пути к миру и безопасности. 2016. № 1(50). С. 70–82.

⁵ Шариат и современный призыв к религии / Неизвестный ислам. 25.09.2015. <http://unknown-islam.ru/shariat-i-sovremennyj-prizyv-k-religii.html>.

⁶ Президент Ирана призвал исламский мир объединиться против саудовских властей // Интерфакс. 07.09.2016. <http://www.interfax.ru/world/527106>.

⁷ Верховный муфтий Саудовской Аравии заявил, что «иранцы – не мусульмане» // Информационное агентство Regions.ru. 07.09.2016. <http://regions.ru/news/2589172>.

⁸ Саудовские проповедники призвали мусульманский мир объявить России джихад из-за «оккупации» Сирии // Newsru.com. 05.10.2015. <http://www.newsru.com/world/05oct2015/djihad.html>

⁹ Там же.

-
- ¹¹ Демонстрация военной техники Ирана на параде в Тегеране // ParsToday. 21.09.2016. <http://parstoday.com/ru/news/iran-i43477>.
- ¹² Богданов Ю. США вооружают Саудовскую Аравию против Ирана // Взгляд. 30.07.2015. <http://vz.ru/world/2015/7/30/758635.html>.
- ¹³ Конфликты и войны XXI века. Ближний Восток и Северная Африка / Под ред. В.В.Наумкина. – М., 2015. 88 с.
- ¹⁵ Гасымов Н. Саудовская Аравия после «арабской весны» // Сравнительная политика. 2014. № 3 (17). С. 157.
- ¹⁶ Егоров Н. Йемен: иранская экспансия или саудовская интервенция? // Web-портал «Око». 04.04.2015. <http://oko-planet.su/politik/politikmir/276708-yemen-iranskaya-ekspansiya-ili-saudovskaya-intervenciya.html>.
- ¹⁷ Добров Д. Полтора года саудовской интервенции в Йемене – что дальше? // РИА Новости. 22.09.2016. <https://ria.ru/analytics/20160922/1477591655.html>.
- ¹⁸ ИГИЛ как угроза международной безопасности. – М: РИСИ, 2015. С.88.
- ¹⁹ Гаскон Е.Г. США, Саудовская Аравия и Катар предоставляют массированную военную помощь джихадистам в Алеппо // ИНОСМИ.РУ. 12.08.2016. [перепеч. из Publico.es]. <http://inosmi.ru/military/20160812/237531956.html>.
- ²⁰ Крук А. Ключ к пониманию ИГИЛ: история ваххабизма в Саудовской Аравии (перевод с англ. статьи в Huffington Post). 05.10.2015. <http://sputnikpogrom.com/greatermiddleeast/44519/wahhabism-in-saudi-arabia/#.V-ONPX2LSt8>.
- ²¹ Барабанов О. Великое арабское отечество или новый халифат / Международный дискуссионный клуб Валдай. Аналитика. Мнения экспертов. 29.02.2016. <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/velikoe-arabskoe-otchestvo-ili-novyy-khalifat/>.
- ²² Оганова В. В Саудовской Аравии поймали предполагаемых пособников ИГИЛ // Экономика сегодня. 19.09.2016. <http://rueconomics.ru/197116-v-saudovskoi-aravii-poimali-predpolagaemyh-posobnikov-igil>.
- ²³ Гейдар Джемаль: Воспользовавшись войной в Йемене, ИГИЛ похоронит саудитов / Web-сайт «Поистине» (дата не ук.). <http://poistine.org/geydar-dzhemal-vospolzovavshis-voynou-v-yemene-igil-pohoronit-sauditov#.V-OOFX2LSt8>.
- ²⁴ ТАСС. 28.04.1990.
- ²⁵ Бармин Ю. Схватка титанов: дипломатический спор Саудовской Аравии и Ирана / Российский совет по международным делам (РСМД): Ближний Восток: Аналитика. 20.01.2016. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7117#top-content.
- ²⁶ Цит. по: Российская газета. 1 августа 2016 г.
- ²⁷ Нетаньяху назвал соглашение с США о военной помощи «лучшим из возможных» // РИА Новости. 18.09.2016. <https://ria.ru/world/20160918/1477250960.html>.
- ²⁹ Конфликты и войны XXI века. Ук. соч. С. 94.